

RU

Ценностная парадигма российского Просвещения XVIII века
в «Русских пословицах» И. Ф. Богдановича

Сорокин В. Б.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении ценностной концепции сборника «Русские пословицы» И. Ф. Богдановича, которая воплощена составителем в строго продуманной композиции и рубрикации содержания, в отличие от общепринятого ранее принципа алфавитного размещения материала. В статье приведен анализ взглядов исследователей, основанных в большинстве случаев на субъективных идеологических оценках, зачастую формально повторяющих оценки предшественников. Научная новизна исследования состоит в том, что на основании детального анализа содержания сборника, а также привлечения наиболее обоснованных наблюдений ряда авторов, устанавливается, что И. Ф. Богданович руководствовался просветительскими, а не сервильными целями, утверждая гуманистические ценности, сочетая народные и собственные тексты, что кардинально уточняет оценки исследователей его творчества. В результате исследования выявлено, что составитель впервые разработал этическую систематизацию содержания пословиц и дал классификацию их художественной формы, а также обозначил объективную причину изменения формы пословиц в процессе их бытования, что делает сборник новаторским вкладом в развитие отечественной фольклористики. Анализ идейных позиций составителя обогащает представления о ценностных установках передовой дворянской интеллигенции конца XVIII века и средствах их художественного воплощения с использованием фольклора.

EN

The value paradigm of the Russian Enlightenment of the 18th century
in the “Russian Proverbs” by I. F. Bogdanovich

V. B. Sorokin

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the value concept of the collection “Russian Proverbs” by I. F. Bogdanovich, which is embodied by the compiler in a well-thought-out composition and categorization of the content, in contrast to the previously accepted principle of alphabetical arrangement of the material. The article provides an analysis of the views of researchers, which are mostly based on subjective ideological assessments, often formally repeating the views of their predecessors. The scientific novelty of the study lies in the fact that, based on a detailed analysis of the content of the collection, as well as the use of the most substantiated observations by a number of authors, it is established that I. F. Bogdanovich was guided not by servile but by educational goals, asserting humanistic values and combining folk and his own texts, which significantly clarifies the assessments of his work by researchers. As a result of the study, it was revealed that the compiler was the first to develop an ethical systematization of the content of proverbs and to classify their artistic form, as well as to identify the objective reason for the change in the form of proverbs during their existence, which makes the collection an innovative contribution to the development of Russian folklore studies. The analysis of the compiler’s ideological positions enriches our understanding about values of the progressive noble intelligentsia of the late 18th century and the means of their artistic embodiment using folklore.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена заметным ростом интереса к ценностной проблематике в сфере общественного сознания. В этом отношении культура переломного в развитии России XVIII века заслуживает самого пристального внимания. Творчество И. Ф. Богдановича – одного из самых талантливых и самобытных авторов эпохи – представляет богатейший материал для подобных наблюдений.

Ипполит Федорович Богданович (1743-1803) – поэт, драматург, журналист, переводчик, издатель, историк, фольклорист. Он является ярким представителем российской просветительской культуры конца XVIII века.

Автор оригинальных и переводных стихотворений разных жанров, комедий, исторических произведений, Богданович узнал и славу, и забвение, но и сегодня заслуживает серьезного изучения различных аспектов своего творческого наследия как поэт и мыслитель.

Главным поэтическим успехом Богдановича стала ирои-комическая поэма-сказка «Душенька» – вольное стихотворное переложение романа Ж. Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», содержание которого было заимствовано из романа Апулея «Золотой осел».

Поэма, написанная легкими разностопными ямбами и объединившая античный сюжет с элементами русских волшебных сказок, получила признание читателей, но почти заслонила все другие произведения автора, среди которых популярными стали лишь несколько песен. Чаще других печатались в песенниках XVIII века его шуточные галантные пасторали «Пятнадцать мне минуло лет» (10 раз) и «У речки птичье стадо я с утра стерегла» (6 раз).

Между тем произведения Богдановича были благосклонно приняты императрицей, автор получал дорогие подарки, заказы на пьесы для Эрмитажного театра и, как считают некоторые авторы, в том числе и на составление сборника пословиц, который был напечатан в 1785 году. Сам составитель в своей автобиографии скромно отмечал: «В 783-м и 784-м ... привел в порядок русския пословицы, разделя их на три части, кои также Академией Наук куплены и напечатаны» (Богданович, 1853, с.186).

Для достижения цели исследования решались следующие задачи:

- последовательный обзор оценок сборника для пересмотра недостаточно аргументированных и выявления наиболее обоснованных мнений;
- детальное рассмотрение состава и композиции сборника;
- выявление средств выражения ценностных позиций составителя;
- оценка вклада составителя в развитие отечественной фольклористики и просветительской идеологии XVIII века.

Для исследования сборника были использованы методы структурно-композиционного и статистического анализа, помогающие выявить важнейшие композиционные особенности сборника пословиц Богдановича, а также сравнительные наблюдения, позволяющие сделать аксиологические выводы.

Материалом для исследования послужил сборник И. Ф. Богдановича «Русские пословицы» (1785).

Во всех трех частях этого сборника материал распределен по главам и тематическим разделам, в то время как до Богдановича все сборники пословиц размещались в алфавитном порядке. Об этом новом подходе сам составитель сказал в предисловии к первой части: «Я разделил их по разности содержания приличным образом на разные части и отделения» (Богданович, 1785, ч. 1, с. 5), – заслуженно добавив в предисловии ко второй части: «Пока не случилось кому-нибудь в лучшем порядке их выдать» (Богданович, 1785, ч. 2, с. 3).

Теоретической базой исследования являются научные статьи, монографии и учебные пособия по истории русской литературы XVIII века.

Прежде всего, это оценки и высказывания современников и ближайших последователей Богдановича: Н. М. Карамзина (1964) и Д. М. Княжевича (1822); во-вторых, дискуссионные мнения авторов статей и учебных пособий советского времени о сборнике «Русские пословицы» И. Ф. Богдановича, среди которых ряд авторитетных исследователей истории русской литературы XVIII века и фольклора: Г. А. Гуковский (1939), Д. Д. Благой (1946), А. В. Западов (1940), П. А. Орлов (1991), М. К. Азадовский (1958), а также более объективные суждения наших современников: Н. Д. Кочетковой (Словарь русских писателей..., 1988) и Ю. И. Минералова (2007). Полезными стали наблюдения И. З. Сермана (1970), который подробно анализировал труд Богдановича.

Практическая значимость исследования состоит в доказанной необходимости отказа от ошибочных негативных оценок творческого замысла и просветительского значения сборника пословиц И. Ф. Богдановича для более адекватного его освещения в учебных курсах по истории русской литературы XVIII века и устного народного творчества, в научных исследованиях.

Обсуждение и результаты

Оценка труда Богдановича со стороны биографов, критиков и исследователей оказалась чрезвычайно противоречивой.

Краткие обзоры творчества поэта зачастую не отражают ту часть его наследия, которая требует более детального рассмотрения (Кузюкин, 2021).

Первым достаточно благосклонным отзывом были слова Н. М. Карамзина в его статье-отклике на кончину поэта в «Вестнике Европы» (1803, № 9): «Исполняя также волю сей монархини, он издал “Русские пословицы”, в которых сохранились драгоценные остатки ума наших предков, их истинные понятия о добре и мудрые правила жизни» (Карамзин, 1964, с. 223).

Комментируя эту статью, Г. П. Макогоненко писал: «Богданович располагал пословицы по рубрикам со специальными заглавиями, которые подчеркивали *политический** (здесь и далее выделение курсивом автора статьи. – В. С.) смысл подобранных пословиц. ... Богданович при этом исправлял пословицы, переделывал их, нередко искажая их смысл. Иногда пословицы, нужные для той или иной рубрики, он сочинял сам» (Цит. по: Карамзин, 1964, с. 541).

Последователем работы Богдановича стал Д. М. Княжевич – составитель «Полного собрания русских пословиц и поговорок, расположенного по азбучному порядку. С присовокуплением таблицы содержания

онных, для удобнейшего их приискания» (1822 г.). Опираясь на опыт предшественника, фраза из предисловия которого использована им в качестве эпиграфа, он составил свой алфавитный содержательный указатель, в котором «расположены они по *нравственному* смыслу их, или, где сего невозможно было, по словам, в них заключающимся» (Княжевич, 1822, с. VII). Принцип этот будет использовать и В. И. Даль. При этом составитель нового собрания считал неуместным переложение пословиц в стихи, считая, что «пословицы и поговорки передаются из уст в уста в привычных, никогда не изменяемых, и временем освященных звуках, и в таком только виде имеют свою цену» (Княжевич, 1822, с. V). В этом замечании высказано не только вполне справедливое, с точки зрения фольклориста, мнение о неуместности переработки фольклорных произведений, но и мнимое убеждение в их неизменяемости, в противовес верному утверждению Богдановича о неизбежной вариативности фольклорных текстов: «Всяк может легко уразуметь, что в последствии сии пословицы, переходя из уст в уста чрез долгое течение времен, должныствовали естественным образом претерпеть много изменений и повреждений» (Богданович, 1785, ч. 1, с. 4).

На 195 юбилей со дня рождения И. Ф. Богдановича в 1939 году откликнулся статьей, в которой дал краткий очерк и оценку творчества полузабытого автора, В. Ф. Ходасевич. Высоко оценив «Душеньку», критик отметил, что «все, им написанное впоследствии, не может идти с нею в сравнение. *Замечательно* лишь его трехтомное собрание русских пословиц. Он был, таким образом, одним из первых русских фольклористов» (Ходасевич, 1996, с. 459). Это справедливое замечание, к сожалению, очень долго не поддерживалось филологами XX столетия, хотя, комментируя публикацию статьи Ходасевича в 1996 г., С. Г. Бочаров вполне корректно высказался о сборнике Богдановича: «Пословицы здесь переложены в стихи и распределены по *нравоучительным* рубрикам» (Цит. по: Ходасевич, 1996, с. 570).

Многие литературоведы отнеслись к работе Богдановича отрицательно.

В 1939 году негативно охарактеризовал работу Богдановича в своем учебнике Г. А. Гуковский: «Это была откровенная фальсификация фольклора. Богданович перекраивал и “редактировал” пословицы, вгоняя их в “правильный” размер, распространяя их до размера двустопишия или четверостишия-сентенции, и в то же время подбирал и подгонял пословицы таким образом, чтобы подкрепить ими крепостническую и монархическую легенду о мужичке» (Гуковский, 1939, с. 313).

Столь же резко высказался о сборнике А. В. Западов, который считал, что составитель «всячески припудривал и приглаживал острое народное слово, чтобы сделать его приемлемым для сравнительно замкнутой среды избранных своих читателей. Это – дворянская редакция фольклора» (Западов, 1940, с. 122).

Продолжил эту критическую линию в учебнике 1946 года Д. Д. Благой: «Богданович ... опубликовал сборник русских пословиц, распределив их по отделам, снабженным такими весьма выразительными заглавиями, как: “Благоверие”, “Служба государю”, “Почтение к вышним”, “Нужная терпеливость” и т. п. Заглавия эти должны были тенденциозно отражать те основные черты “нашего национального характера”, которые уже были намечены самой Екатериной. ... Что касается самой формы пословиц, – она также была тщательно приглажена, “олитературена” Богдановичем: все резкое и грубое из них было устранено» (Благой, 1946, с. 252).

М. К. Азадовский в своем капитальном труде по истории русской фольклористики 1958 года так же очень критично рассматривает сборник автора «Душеньки»: «Обращение его с материалом совершенно свободное и даже произвольное. ... Он совершенно исказил их форму, передавая их в виде стихотворных двухстиший или четверостиший. ...

Все его пословицы распределены по разделам, которые очень четко вскрывают его *идеологические* установки. ... Народная мудрость ... теряла и свою остроту, и какие бы то ни было проявления критического отношения к социальной действительности» (Азадовский, 1958, с. 51). Вполне очевидно, что негативная оценка обусловлена исключительно идеологически.

В том же ключе охарактеризовал работу П. А. Орлов: «Материал сборника систематизирован в *религиозно-верноподданническом* духе. Большим произволом отличается стилистическая правка пословиц, в результате которой они лишились главного их достоинства – краткости и выразительности» (Орлов, 1991, с. 174).

Так же неприязненно высказалась Л. Е. Татаринова: «В 1785 году по заказу Екатерины он издает сборник русских пословиц, *фальсифицированных в духе правительственного патриотизма*. Народности в них и на гран нет. Подвергнутые литературной обработке, они *сугубо тенденциозны*» (Татаринова, 1975, с. 219).

Объективнее писала о сборнике в «Словаре русских писателей XVIII века» Н. Д. Кочеткова: «Целью Богдановича было не издание подлинных пословиц, а их литературная обработка: Богданович перекладывал пословицы в стихи, иногда приближая их к жанру басни. ...

В целом сборник имел *умеренно-либеральную* направленность, несколько *отличавшую* его от *официозных* обработок фольклора в сочинениях Екатерины II» (Словарь русских писателей..., 1988, с. 107).

В продолжение негативной линии, отчасти повторяя уже сказанное ее сторонниками, но еще более эмоционально сформулировали свою оценку составители новейшего «Пантеона российских писателей XVIII века»: «...Богданович в духе *сусального правительственного патриотизма* составил сборник в стихах “Русские пословицы”. Пословицы разделены по разделам, *лицемерно ханжеским* уже по своим заглавиям: “Благоверие”, “Служба государю”, “Почтение к высшим”, “Нужная терпеливость” и т. д.» (Бердников, Серебряный, с. 33).

Следует такой оценке и В. П. Даниленко в книге «Картина мира в пословицах русского народа»: «Екатерина II и И. Ф. Богданович положили начало той тенденции в русской паремииологии, которую В. П. Аникин (1957, с. 33) назвал антинародной» (Даниленко, 2017, с. 3). Справедливости ради стоит сказать, что автор

подробной аналитической рецензии на эту книгу в интернете так справедливо отозвался о подходе исследователя к анализу русских пословиц: «Куда проникает идеология, там заканчивается правда и объективность» (livelib.ru. 2021. <https://www.livelib.ru/review/2315233-kartina-mira-v-poslovitsah-russkogo-naroda-v-p-danilenko>).

Тем не менее, наряду с этими негативными оценками, основанными, как видно, на беглом ознакомлении лишь с оглавлением сборника Богдановича и пересказом ранее опубликованных чужих слов, существуют и более обоснованные мнения современных исследователей.

Ю. И. Минералов высказал более объективное суждение: «Сборник “Русские пословицы” – это авторские *переложения*, парафразисы настоящих русских пословиц... Стилизаторская основа этого творения вполне в духе времени, а его высокая *просветительская ценность* несомненна» (Минералов, 2007, с. 119). Принципиально важно сказать, что в данном случае ученый *методологически* очень верно отметил соответствие художественных и идеологических установок составителя сборника его исторической эпохе.

Наиболее обстоятельно и объективно осуществил рассмотрение сборника И. З. Серман. Особо стоит отметить заслуживающую большого уважения способность исследователя уточнять и корректировать свои мнения по мере более детального изучения материала. Первоначально во вступительной статье к собранию произведений И. Ф. Богдановича в «Библиотеке поэта» он писал: «... Народные пословицы характеризуются Богдановичем как выражение “благонравия и благоповедения”. В таком духе сделан подбор, а в некоторых случаях и доработка текста» (Серман, 1957, с. 33).

Но уже в статье 1959 года, «И. Ф. Богданович – журналист и критик», И. З. Серман (1959, с. 94) доказательно полемизирует с предшественниками по поводу оценки идеологических взглядов Богдановича.

По-настоящему научный, обстоятельный анализ сборника пословиц И. Ф. Богдановича сделан И. З. Серманом в главе «Ипполит Богданович и официальная обработка фольклора в 1780-е годы» в коллективной монографии «Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.)» (1970).

Ученый писал: «Возможно, что Богданович приступил к составлению “Русских пословиц” *под влиянием* изданного Екатериной сборника русских пословиц, в котором, по мнению Г. П. Макогоненко [Макогоненко, 1951, с. 479], “именем народа освящали самодержавный режим, сословное разделение, проповедовали смирение и покорность как норму поведения подданных в государстве”» (Серман, 1970, с. 313).

И. З. Серман впервые поставил вопрос о замысле и целях составителя: «Богданович считал, что он своей обработкой пословиц как бы возвращает “нации” “собственное” ее “сочинение”, восстанавливает выраженное в поэтической форме народное представление о нормах “благонравия и благоповедения”» (Серман, 1970, с. 314).

Результатом детального анализа сборника стал обоснованный вывод ученого: «... Взгляд на “Русские пословицы” как на вульгарную фальсификацию народных пословиц ... нуждается в *пересмотре и уточнении*» (Серман, 1970, с. 314).

«Его позиция иная, – утверждает исследователь, – он ее широко и разнообразно обосновал в “Русских пословицах” и *структурой книги*, и *количественным распределением* пословиц по ее разделам» (Серман, 1970, с. 315).

И. З. Серман детально рассматривает содержание сборника, не ограничиваясь только выборочным перечислением названий разделов, как многие его предшественники: «“Русские пословицы” внутри каждой из трех частей делятся на главы, а главы на отделения. Каждой главе предпослано прозаическое изложение ее содержания. При этом в ряде случаев есть *заметное несоответствие* между названием отделения, прозаическим *резюме его содержания* и *пословицами*, включенными в данное отделение» (Серман, 1970, с. 315). Важно отметить, что только таким полным анализом всех элементов текста достигается объективная обоснованность выводов и оценок труда И. Ф. Богдановича.

Ученый приводит очень показательную ситуацию на примере третьей главы первой части, к которой составителем дано такое пояснение: «В ней означает, что благосердие составляет связь и целость всех общественных польз и выгод; и что без сего душевного качества, наилучшие знания и дарования обращаются во вред самому и ближнему» (Богданович, 1785, ч. 1, с. 9). Характерна для сентиментальной философии автора декларация преимущества моральной ценности «душевного качества» перед интеллектуальными ценностями знаний и дарований. Выделение «общественных польз и выгод» в качестве ценностного критерия важности нравственной категории «благосердия» опирается на просветительский и в то же время масонский взгляд на смысл человеческой деятельности.

При этом исследователь отмечает, что «в тексте всех тринадцати отделений этой главы за единичным исключением *нет пословиц, прославляющих самодержавную власть*, а содержится *значительное количество текстов, осуждающих жестокую власть, казни, притеснения, несправедливость*» (Серман, 1970, с. 316).

Это наблюдение ученого может стать отправной точкой для осмысления замысла составителя сборника, его целей, для оценки тех средств, которые он для этого выбрал.

Исследователь приводит образчики таких пословиц:

Добрая власть не противна свободе,

И ею хранится выгода в народе (Богданович, 1785, ч. 1, с. 10).

Напрямую осуждается жестокость правительства:

Жестокая власть не корыстна,

И людям всегда ненавистна (Богданович, 1785, ч. 1, с. 10).

И. З. Серман убедительно использует количественный аспект в оценке позиций составителя. «Скромность» – одно из тех качеств поведения, к которой Богданович хочет привлечь внимание читателей “Русских пословиц”. Раздел “Скромность” (глава пятая) по числу примеров занимает второе место (53 пословицы) рядом с “осторожностью” (49 пословиц), “нужной собенностью” (*так в оригинале Богдановича), сбережением,

запасливостью» (48 пословиц), «рассудительностью» (44 пословицы), только одно отделение почти вдвое больше – «Несчастье не есть порок» – в нем 81 пословица» (Серман, 1970, с. 317).

Вполне убедительно выглядит общий вывод ученого: «Множество пословиц ... свидетельствует о том, что в представлении составителя «нация», которая является «автором» собранных им пословиц ... имеет свой очень ясный и твердый взгляд на мир, на отношения в обществе, взгляд, чуждый идеализации царя и господ ...» (Серман, 1970, с. 318).

По результатам обзора мнений о сборнике пословиц И. Ф. Богдановича ученых XIX–XXI веков можно констатировать, что в противовес идеологически предвзятому и, как правило, довольно поверхностному негативному отношению многих исследователей, в конечном итоге гораздо более заслуживает доверия объективное и аргументированное его понимание современными специалистами в области изучения литературы и фольклора. Это, однако, не означает полной исчерпанности проблематики, связанной с раскрытием замысла составителя и значимости содержания сборника для его современников и нашего понимания мировоззрения образованных людей эпохи Просвещения.

В теоретическом отношении исключительно важным принципом, обеспечивающим достоверные и обоснованные выводы о творческом замысле составителя сборника и просветительском потенциале его содержания, является полный учет всех элементов текста сборника, включая предисловие, рубрикацию и пропорции тематических разделов. Продуктивность такого подхода продемонстрировал И. З. Серман, но и его наблюдения нуждаются в дополнении и уточнениях, что позволяет внести новые акценты в понимание авторской позиции составителя сборника.

Богданович озаглавил свой сборник «Русские пословицы», что перекликалось с названием сборника Екатерины II «Избранные российские пословицы», в котором по алфавиту было опубликовано 126 народных и стилизованных изречений. Однако автор уточняет свой замысел – это не избранность составителя, а наследие «нации», как будет сказано в предисловии, на «благоволение» которой он надеется и демонстративно не обращается к могущественным покровителям, не составляя традиционного именного посвящения.

Предисловие к первой части сборника заслуживает особого внимания, поскольку содержит важные утверждения составителя, который обращается к читателю как к образованному собеседнику, способному воспринимать разумные доводы автора: «Излишне, кажется, доказывать пользу народных пословиц. Известно, что многие из них, до введения писмен служили изустным законом преданием» (Богданович, 1785, ч. 1, с. V). Этот первый тезис предисловия придает пословицам статус нравственных законов.

Далее составитель, апеллируя к «народному разуму», выделяет ценностные доминанты древних заветов: благонравие и благоповедение. В самом сборнике, кроме этих, названия еще трех отделений будут содержать похожие категории: благоверие, благосердие, благорассудительность.

Современный академический «Словарь русского языка XVIII века» (1985, с. 32) содержит более 40 сложных слов, в которых составная часть «благо» усиливает положительную оценку качества, свойства, действия. В частности, слово «благоповедение» наделялось и таким значением: «Успешное ведение государственных дел» (Словарь русского языка..., 1985, с. 42).

Богданович впервые выделил разновидности пословиц: «Иные сочинены по образу наставлений, другие по образу сказаний, иные же к осмеянию порочного и к отвращению от гнусного» (Богданович, 1785, ч. 1, с. V). Важно отметить, что составитель увидел ценностную направленность пословиц. Следует также сказать, что художественная типология пословиц в отличие от структурной и поныне не вполне разработана.

Рассуждение о якобы изначальном правильном стиховом облике пословиц можно расценить и как добросовестное заблуждение автора, и как обоснование его собственного стремления под видом восстановления первоначального облика пословиц осовременить и слегка олитературить их стиль для облегчения их восприятия образованной благородной публикой, в назидание которой задуман сборник.

Традиционную литературную условность предисловию придают и упоминание таинственного сборника древних пословиц, будто бы доставшегося составителю от отца, и утверждение о десятилетнем собирании новых пословиц. Разумеется, заведующий архивом, Богданович мог видеть старые рукописные сборники. Не мог он не знать и первый большой печатный сборник «Собрание 4291 древних российских пословиц. Печатаны при императорском Московском университете в 1770 году», составленный его университетским наставником А. А. Барсовым. Возможно, именно на него и намекает в предисловии Богданович, но обработка и расположение текстов не позволяют точно определить источники составителя.

В сборнике Богдановича было опубликовано чуть более 1200 пословиц. Хотя у него нет сквозной нумерации, но пословицы в каждом отделении пронумерованы, что облегчает количественные сопоставления их состава. В разных частях имеется разное число глав, в которые включено разное количество отделений: от 1–3 до 12–15. Самой большой стала первая часть – 568 пословиц в шести главах, во второй – 265 изречений в трех главах, и в четырех главах третьей части – 368 пословиц. В каждой части особо выделены наиболее объемные главы. В первой части – это третья глава с тринадцатью отделениями, содержащая 311 пословиц, посвященная «благосердию». Во второй части – тоже третья глава (246 пословиц в пятнадцати отделениях), в которой провозглашается, что «истинное благополучие равно принадлежит всем состояниям» (Богданович, 1785, ч. 2, с. 11), т. е. сословиям. В третьей части – четвертая, финальная глава с двенадцатью отделениями, где помещено 237 пословиц с указанием, что «науки при воспитании иногда могут быть недостаточны, если к ним не будет присоединено познание нашего между людьми положения, и познание вещей, относительных

к разнообразным в жизни обстоятельствам» (Богданович, 1785, ч. 3, с. 13). Стоит отметить это важное замечание о необходимости не только теоретических, но и практических знаний о жизни в обществе и природе.

Количество пословиц в частях, главах и отделениях очень различно, но при этом соблюдена единая смысловая логика размещения изречений, по которой во всех главах *последние* отделения, кроме нескольких случаев, посвящены исключительно негативным, отрицательным качествам и обстоятельствам. Например, в первой главе первой части первое отделение озаглавлено «Благоверие», а второе, завершающее, – «Ханжество». В третьей главе той же части первое отделение – «Благосердие», а последнее, тринадцатое, – «Жестокосердие». Аналогично этому в первой главе третьей части первое отделение – «Доброе воспитание», а финальное, третье, – «Следствия худого воспитания». В четвертой главе: «Благонравие» – «Злонравие». В пятой главе в первом отделении значится «Скромность», а в финале – «Нескромность». В заключение шестой главы даны описания бедствий расточителей и игроков, что стало еще одним откликом на злободневную для эпохи проблему.

Уже самым построением сборника составитель привлек внимание к контрастным ценностным категориям, отражающим самые разные стороны жизни, как бытовые (праздность, расточение, пьянство), так и нравственные (скромность, человеколюбие, искренность). Этим композиционным приемом составитель обозначил граничные параметры парадигмы просветительских ценностей своего времени. При этом в количестве примеров дано абсолютное преобладание положительных качеств и форм поведения, служащих в данном случае образцом и назиданием для читателей.

Продуктивность учета количественного фактора для понимания важности той или иной категории уже была показана И. З. Серманом на примере ключевого слова «скромность», имеющего 53 пословицы, наряду с большими разделами о других положительных качествах. Однако суммируя наличие категории в нескольких отделениях, можно увидеть еще более заметные предпочтения составителя. Так, например, использованное в названии шести отделений в третьей главе первой части слово «терпеливость» проиллюстрировано 143 изречениями, по смыслу которых понятно, что автор понимал эту категорию и как способность переносить житейские и служебные трудности, и как сентиментальную снисходительность «к временным прегрешениям», «порокам юности», «слабостям» и «обычаям», что обозначено названиями отделений.

Множественность примеров такой разносторонней снисходительности вместе с осуждением «жестокосердия», а также похвалой «благосердию» и «човеколюбию» становится одной из главных идей всего сборника.

Учитывая специфику политической ситуации – усиление реакции после пугачевщины, – такая тенденция в подборе примеров «народной мудрости» выглядит как ненавязчивый, но вполне явный намек властям, своеобразный призыв «милости к падшим» – опальным журналистам и масонам.

В этой связи становится понятным выделение в третьей главе первой части сразу после отделения «Благосердие», т. е. доброта, милость, великодушие, по толкованию словаря (Словарь русского языка..., 1985, с. 49), синонимичного понятия «Човеколюбие».

Сентенции этих разделов очень откровенны:

Не все бичом да хлыстом,

Иное можно и свистом (Богданович, 1785, ч. 1, с. 10).

ПЕРЕФРАЗИРУЯ изречение из сборника императрицы, Богданович писал:

Милость прилична для барства

И милость хранит государства (Богданович, 1785, ч. 1, с. 14).

Увещевая правительницу, автор приводит пословицу с дополнением:

Повинную голову меч не сечет,

Чтоб впредь не грешил, то прощают в зачет (Богданович, 1785, ч. 1, с. 14).

Он сочиняет смелую сентенцию о духе законов:

Строгий закон виноватых творит,

И разумный тогда поневоле душит (Богданович, 1785, ч. 1, с. 15).

Отдельно следует упомянуть самое наполненное отделение «Несчастье не есть порок» с 81 пословицами. Это единственный случай, когда отделение озаглавлено не словом-понятием, а пословицей. В этом отделении среди пословиц о бедности и богатстве есть изречения, которые можно соотнести с биографическими обстоятельствами самого Богдановича:

Как себя ни поведешь,

От напраслин не уйдешь (Богданович, 1785, ч. 1, с. 17).

Не раскрывая подробностей, о клевете недоброжелателей автор упоминал в автобиографии (Богданович, 1863, с. 186):

И от напраслин люди гинут,

Когда к ним грех чужой прикинут (Богданович, 1785, ч. 1, с. 18).

Не случайным в этом аспекте выглядит и появление в сборнике отдельной главы с единственным отделением «Важность выбора людей в знакомство» (Ч. 3. Гл. 3. Отд. I), содержащим 47 пословиц. Составитель писал в пояснении к этой главе: «...Счастье и несчастье наше зависит наиболее от сообщества, в каком мы обращаемся; и ... выбор людей в дружбу и короткое знакомство, есть в жизни человеческой дело достойное самого внимательного рассмотрения» (Богданович, 1785, ч. 3, с. 13). Похожее суждение, как и несколько других житейских наставлений, имеется в знаменитом «Юности честном зерцале», где тоже использовались пословицы, но, возможно, здесь есть отголосок и масонского прошлого составителя.

Один из приемов ненавязчивого наставления читателям состоит в том, что прозаические пояснения к главам уже содержат поучительные сентенции. Выдержанные в корректном тоне, они не содержат критики и обличительных фраз, но последовательно манифестируют гражданские и нравственные ценности, что позволяет выстроить достаточно явную парадигму просветительских ценностей эпохи в версии ее незаурядного представителя.

В качестве аргумента для овладения нужными качествами составитель в аннотациях ко всем главам в первой части упоминает мотивирующую цель: «*общественное благосостояние и спокойствие*» (Гл. 1), «*связь и целостность всех общественных польз и выгод*» (Гл. 3), «*спокойствие между людьми*» (Гл. 4), «*польза себе и ближнему*» (Гл. 6).

Во второй части сказано о важности необходимых «*спокойствия* и твердости в человеческом сообществе» (Гл. 2), при том, что «люди, а особливо Судии, имеют долг соблюдать *правду и правосудие*» (Богданович, 1785, ч. 2, с. 4).

«Спокойствие» намеренно выделено многократным упоминанием как желательное для власти состояние общества, но тематика отделений показывает, что это возможно только с условием наличия высоких нравственных качеств у граждан и представителей власти. Внешне сервильное пожелание блага государству в данном случае целиком совпадает с личным благом каждого человека, что воплощает просветительскую идею гармонии.

В этой связи стоит особо отметить декларацию в третьей, заключительной главе этой части: «*Истинное благополучие принадлежит всем состояниям*» (Богданович, 1785, ч. 2, с. 11), что соотносилось с проповедью «нужной умеренности в жизни» в первом отделении, – и знаменательной поговорке, звучащей почти по-державински, в четвертом отделении:

У Царя велика власть,

А и с ним живет напасть (Богданович, 1785, ч. 2, с. 11).

Примечательно употребление превосходных степеней прилагательных и чрезвычайно значимой для просветительской и масонской философии категории *истинности*, что предполагает предостережение от заблуждений, ложного понимания благополучия, любочестия, добродетели.

Третья часть также содержит упоминания об «услугах обществу» (Гл. 2), о «*спокойствии* и счастье» (Гл. 4), для которых необходимы «Доброе обхождение» (Отд. I), «Знание света и светских приличий» (Отд. II) «Рассмотрительность» (Отд. IV) и «Осторожность» (Отд. VII). При этом, разумеется, ни в одной из пословиц нет упоминаний о *светских* приличиях. Это еще раз доказывает, что аннотации и наименования отделений наделены составителем самостоятельными функциями и по-своему реализуют его цели и задачи. В любом случае автор мог рассчитывать на то, что читатели прочтут если не все пословицы, то хотя бы оглавление, а заодно и заинтересуются пояснениями к главам.

Демонстративная лояльность заголовков и корректность аннотаций должны были с нелишней осторожностью успокоить и возможные цензурные претензии.

В то же время наиболее смелые прогрессивные высказывания были рассыпаны среди многочисленных обыденных пословичных изречений при наделении их всех статусом народной мудрости. Это оправдывало и авторские включения собственных стихотворных сентенций для донесения своих мыслей с оптимистической надеждой просветителя на улучшение нравов сограждан и правителей.

Совершенно логичным с точки зрения такой просветительской концепции стало выделение глав, посвященных «доброму воспитанию» (Ч. 3. Гл. 1), а также «науке и знанию», которые «*суть в жизни самые надежные приобретения*» (Ч. 3. Гл. 2) (Богданович, 1785, ч. 3, с. 6). Эти разделы органично вливаются в общую парадигму просветительских ценностей эпохи, соседствуя с житейскими добродетелями «скромности» и «бережливости».

Заключение

Итогом рассмотрения композиции и состава сборника И. Ф. Богдановича «Русские пословицы» является определение тщательно продуманной просветительской программы и средств ее реализации на основе использования обличенного статусом древней народной мудрости пословичного фольклора с включением собственных текстов, пропагандирующих общественные и человеческие ценности в сентиментально-гуманистическом просветительском духе, разворачивая их обширную парадигму.

В отличие от мнения И. З. Сермана о прагматическом скептицизме Богдановича, можно видеть активную пропагандистскую позицию составителя, не теряющего веры в просветительские идеалы.

Наличие в сборнике критических по отношению к власти и знати высказываний опровергает поверхностные, часто подражательные негативные суждения многих исследователей о верноподданнической рабской позиции составителя и его безусловной сервильности.

Верное утверждение Богдановича о вариативности пословиц, первый опыт их художественной и этической классификации делают сборник ценным опытом фольклористических наблюдений. Показательно, что до Богдановича и часто гораздо позже вариативность фольклорных текстов, в частности песенных в рукописных и печатных песенниках, объяснялась исключительно ошибками переписчиков либо небрежностью издателей.

Рассмотрение непосредственно состава всего пословичного материала сборника наряду с анализом манеры его поэтической обработки может явиться темой дальнейшего изучения наследия Богдановича с точки зрения не только его идейных позиций, но и художественных приемов, что, несомненно, будет интересно и литературоведам, и исследователям идейных процессов в российском обществе конца XVIII века.

Материалы исследования | Research materials

1. Богданович И. Ф. Автобиография И. Ф. Богдановича / предисл. и прим. Г. Геннади // Отечественные записки. 1853. Т. 87. Кн. 4.
2. Богданович И. Ф. Русские пословицы: в 3 ч. СПб., 1785. Ч. 1-3.
3. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1985. Вып. 2.

Источники | References

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958.
2. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957.
3. Бердников Л., Серебряный Ю. Пантеон российских писателей XVIII века: критико-биографические очерки. СПб.: Академический проект, 2002.
4. Благый Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1946.
5. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: учебник для высших учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1939.
6. Даниленко В. П. Картина мира в пословицах русского народа. СПб.: Алетейя, 2017.
7. Западов А. В. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение // XVIII век. М. – Л., 1940. Сб. 2.
8. Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях. // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения: в 2 т. / сост., подгот. текста и прим. П. Беркова. М. – Л., 1964.
9. Княжевич Д. М. Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С присовокуплением таблицы содержания оных, для удобнейшего их приискания. СПб.: Издано книгопродавцем И. Заикиным в типографии Карла Крайя, 1822.
10. Кузюкин М. А. Творчество И. Ф. Богдановича: история изучения // Огарев-Online. 2021. Т. 9. № 3.
11. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М. – Л.: ГИХЛ, 1951.
12. Минералов Ю. И. История русской литературы XVIII века: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 2007.
13. Орлов П. А. История русской литературы XVIII века: учебник для университетов. М.: Высшая школа, 1991.
14. Серман И. З. И. Ф. Богданович // И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957.
15. Серман И. З. И. Ф. Богданович – журналист и критик // XVIII век. М. – Л., 1959. Сб. 4.
16. Серман И. З. Ипполит Богданович и официальная обработка фольклора в 1780-е годы // Русская литература и фольклор (XI-XVIII вв.). Л.: Наука, 1970.
17. Словарь русских писателей XVIII века: Вып. 1. Л.: Наука, 1988.
18. Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века: учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика». Изд-е 1-е. М.: Изд-во МГУ, 1975.
19. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922-1939.

Информация об авторах | Author information

Сорокин Владимир Борисович¹, к. филос. н., доц.

¹ Московский государственный институт культуры

Vladimir Borisovich Sorokin¹, PhD

¹ Moscow State Institute of Culture

¹ sorokin-vladbor@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.07.2025; опубликовано online (published online): 13.08.2025.

Ключевые слова (keywords): И. Ф. Богданович; российское Просвещение XVIII века; русские пословицы; ценностная парадигма; новаторский вклад в отечественную фольклористику; I. F. Bogdanovich; Russian Enlightenment of the 18th century; Russian proverbs; value paradigm; innovative contribution to Russian folklore studies.